

Алексей Шмелев*
(Москва)

СУППЛЕТИВИЗМ ИЛИ СИНОНИМИЯ?

Abstract. The paper deals with suppletion and makes special reference to incomplete suppletion (the alleged suppletive items are in near-complementary distribution; free alternation in some contexts poses a challenge to the theory of suppletion). It discusses criteria of distinction between (incomplete) suppletion and synonymy of stems and applies the suggested criteria to the alleged suppletion of plural forms of Russian nouns and aspectual correlation of Russian verbs. In particular, it improves the common treatment of some Russian lexemes such as *человек, год, дитя, ударить, вложить*.

Ключевые слова: супплетивизм, дополнительное распределение, переходные явления

1. Предварительные замечания

В данной заметке на материале русского языка рассматривается проблема разграничения супплетивизма и синонимии. Сама эта проблема была поставлена в общетеоретическом плане в ставшей классической статье (Мельчук 1972). Однако конкретные решения в ряде сложных случаев продолжают оставаться неочевидными и требующими детального анализа языкового материала. Представляется, что такой анализ может пролить свет и на некоторые теоретические представления, положенные в основу предложенных критериев разграничения.

Важно напомнить, что само понятие супплетивизма в указанной статье (Там же) в силу предложенных в ней определений оказывалось «градуированным», так что можно было бы говорить о большей или меньшей степени супплетивизма. Это было связано в первую очередь с тем, что положенные в основу определения понятия формальной и смысловой нормальности сами определялись как имеющие большую или меньшую степень. В теоретическом плане трудности, которые при этом могли бы возникнуть, снимались тем, что предлагалось понимать слова *нормальный* и *ненормальный* как ‘лежащий выше/ниже некоторого (назначенного исследователем) порога нормальности’ (Там же: 404)¹. Однако «градуированными» или же нечеткими

¹ В книге (Мельчук 2001) супплетивизм определяется через понятие представимости, хотя в целом идея определения осталась та же; в том числе, и при этом определении

(1) Кафедра русского языка — Московский педагогический государственный университет; М. Пироговская 1, Москва, Россия (2) Отдел культуры русской речи — Институт русского языка РАН; Волхонка 18/2, Москва, Россия; shmelev.alexei@gmail.com

являются и некоторые другие понятия, на которые неизбежно должно опираться определение супплетивизма. Сюда в первую очередь относятся понятие языковой правильности и понятие семантического тождества / различия.

То, что во многих случаях бинарное противопоставление «правильное» — «неправильное» оказывается недостаточным (так что приходится вводить какие-то промежуточные точки шкалы), в современной лингвистике может считаться общим местом. Так, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» разные степени неправильности маркируются различными надстрочными знаками: [?], ^{??}, * (Апресян 2004: LIII). При этом следует иметь в виду, что «промежуточный» статус на шкале «правильности» того или иного языкового выражения может быть обусловлен двумя различными обстоятельствами. Во-первых, иногда обнаруживается разноречие во мнениях информантов: одни считают выражение правильным, другие — нет. Во-вторых, сами информанты могут колебаться в оценке степени правильности высказывания, характеризовать его как «допустимое, но странное», «сомнительное» и т. п. В первом случае можно было бы сохранить бинарность противопоставления «правильное» — «неправильное», декларируя, что описывается отдельно взятый идиолект, или ввести «меру» правильности, зависящую от количества информантов, которые воспринимают выражение как правильное. Во втором случае помещение языкового выражения на тот или иной участок «шкалы правильности» и тем самым приписывания ему «меры правильности» может оказаться субъективным. Разумеется, эта субъективность касается не только супплетивизма, поскольку на оценку правильности языковых выражений опирается формулировка большинства правил в синхронном описании языка; однако применительно к супплетивизму это является еще одним фактором, обуславливающим «количественный» характер супплетивизма.

Так, в современном русском языке пару антонимов-отрицаний *можно* — *нельзя* следует признать супплетивной (Мельчук 1972: 415), поскольку *можно* практически не употребляется в контексте отрицания (**не можно*)²,

сохраняется градуальный характер супплетивизма, связанный, в частности, с тем, что градуальной является регулярность формальных соотношений (Мельчук 2001: 428, 439).

² Употребление *можно* с отрицанием возможно при наличии противопоставления: *не можно, а должно*. Единичные примеры появления в современных текстах сочетания *не можно* вне противопоставления воспринимаются как стилизация, напр.: *Некоторое время назад литературные умы задавались вопросом: можно или не можно употреблять в художественном тексте ненормативную лексику* [О. Славникова]. Чаще всего потребность в такой стилизации возникает вследствие желания имитировать речь XVIII или начала XIX века, реже — для передачи речи иностранца, не вполне овладевшего нормами русского языка, напр.: *...югослав кричит: «Не можно! Не можно!»* [Е. Попов].

а **льзя* не употребляется без отрицания. Иначе дело обстояло в XVIII или в первой половине XIX века:

- ...Терпя, чего терпеть без подлости *не можно!* [Н. Карамзин];
- В одну телегу впрячь *не можно* / Коня и трепетную лань [А. Пушкин];
- Ужель *не можно* мне, / Любуясь девою в печальном сладострастье, / Глазами следовать за ней и в тишине / Благословлять её на радость и на счастье... [А. Пушкин];
- Но *льзя* ли в мертвое живое передать? [В. Жуковский].

Таким образом для состояния русского языка в указанный временной период пара *можно* — *нельзя* не была супплетивной: имелись синонимичные слова *можно* и *льзя* и каждое из них могло использоваться в контексте отрицания. Однако языковые изменения не происходят одновременно. Очевидно, что существовал период, в течение которого *льзя* и *не можно* смещались по «шкале правильности» от безупречной правильности к аномалии (для *льзя* этот период наступил раньше, чем для сочетания *не можно*), и за это время и произошел переход от синонимии к супплетивизму. Из этого вытекает, что в рассматриваемый период «мера супплетивизма» данных выражений постепенно повышалась. Сказанное можно отнести и к некоторым другим случаям, когда супплетивизм возникает в результате лексической конвергенции.

Другим фактором, влияющим на «количественный» характер супплетивизма, является зависимость выводов от установления семантического тождества или различия. Если установление формального тождества или различия, а также наличия общей части у некоторых двух цепочек фонем не требует специальных ухищрений, то смысловое тождество или характер смыслового различия, вообще говоря, может быть неочевидным. Оставаясь на почве формальных определений, мы могли бы определить смысловое тождество как тождество толкований (а смысловое различие свести к различию толкований); однако, в отличие от внешней стороны языковых выражений, которая дана нам непосредственно, толкования необходимо сформулировать и обосновать, и они могут быть предметом споров. Так, *nomen actionis мнение* можно было бы считать супплетивным образованием от глагола *полагать*, как это предлагается в статье (Мельчук 1972: 418); однако можно было возвести его и к глаголу *считать* или *думать* (что); между тем между глаголами *думать*, *считать* и *полагать* есть важные семантические различия, и принятие решения здесь требует более тщательного семантического анализа.

Таким образом, в неочевидных случаях, для того чтобы решить, имеем мы дело с супплетивизмом или синонимией, недостаточно ограничиваться общими соображениями: необходим детальный анализ всех факторов, кото-

рые могут повлиять на решение. В следующих разделах сказанное предполагается иллюстрировать рядом примеров из русского языка³.

2. Множественное число и счетные формы

2.1. *Человек — люди*

Традиционная точка зрения, согласно которой формой множественного числа лексемы *человек* является *люди*, предполагает, что формы, образованные от основы *человек*, и формы, образованные от основы *люд*, находятся в дополнительном распределении. В первом приближении так оно и есть. Однако некоторые языковые факты создают трудности для такой трактовки. Прежде всего это касается использования форм множественного числа от основы *человек*. Этот казус рассматривается в цитированной статье (Мельчук 1972: 413), где приводятся устойчивые выражения *Все мы люди*, *все человеки* и библейский фразеологизм *уловление человеков*; однако делается вывод, что эти формы находятся в дополнительном распределении, поскольку нельзя сказать **для многих человек(ов)* или **беседовал с многими человеками* или заменить *чело́веки* на *люди* в указанных устойчивых выражениях.

Однако выясняется, что формы множественного числа от основы *человек* встречаются в текстах на современном русском языке не так редко, напр.:

- Россия нуждается во внимательном благорасположении, а *чело́веки* — в милосердии [М. Горький];
- А земля все вертится. *Чело́веки* мрут, *чело́веки* рождаются [И. Бабель];
- Шли мы в штыки, понимаете? — в штыки, то есть резать, колоть, кромсать друг друга, *чело́веков* [Б. Пильняк];
- ...связанного у меня только с предметами — белый медведь в пассаже, негр над фонтаном, Минин и Пожарский и т. д. — а никак не с *чело́веками*, ибо царь и Иоанн Кронштадтский, которых мне, вознеся меня над толпой, показывали, относились не к *чело́векам*, а к священным предметам... [М. Цветаева];
- от всех этих «Юностей Максима» и «*Чело́веков* с ружьем» [В. Аксенов];
- ...в семени человека или морковки существуют возможности всех будущих *чело́веков* и морковок... [М. Анчаров];
- Иван Иванович подметил одну странную особенность, присущую только *чело́векам* [П. Алешковский];

³ В дальнейшем изложении частично используется иллюстративный материал, почерпнутый из «Национального корпуса русского языка».

- ...отдельные *человеки*, собравшись вместе, превращаются в народ [В. Войнович];
- *Человеки* липовые — диктаторы ненастоящие [В. Маканин];
- И все вокруг наполняется смыслом, человек начинает видеть *человеков*, ощущать их тепло, слышать их стоны и терзаться их тоской [Б. Васильев];
- ...правительства еще способны солидаризироваться и выступить общим фронтом против бен Ладена, Хусейна и прочих саламандр, а нации — и в первую очередь *человеки* — не готовы [Ю. Богомолов];
- ...чем больше будет таких инакомыслящих и непохожих друг на друга *человеков*, тем в стране нашей климат будет чище, лучше [Д. Бавильский, И. Манцов].

Упомянем также, что название пьесы Бернара Вербера «Nos Amis les Humains» обычно переводится на русский язык как «Наши друзья Человеки».

В большинстве приведенных примеров можно было бы использовать и форму от основы *люд*, иногда с небольшим смысловым сдвигом, который нет возможности здесь обсуждать более подробно, и уже это не позволяет говорить о «дополнительном распределении» форм от основ *человек* и *люд*. Заметим, что варьирование форм от указанных основ еще более характерно для русских числовых конструкций. Большинство нормативных справочников предписывают в таких конструкциях во всех падежах употреблять формы от основы *человек*; напротив того, И. А. Мельчук, признавая, что «в речи ряда носителей языка возможны выражения типа (5) с *пятью человеками*, к *пяти человекам*, о *пяти человеках*», пишет: «В моем собственном идиолекте (5) недопустимо; такова же, в частности, была интуиция А. А. Реформатского», — и добавляет, что не учитывает в своем описании возможность таких сочетаний как «явление слишком маргинальное» (Мельчук 1985: 431). Однако языковая практика многих носителей языка допускает употребление в таких конструкциях форм с основой как *человек*, так и *люд*, причем выбор формы подчиняется довольно сложным правилам (Шмелев 2009). Признание супплетивности основ *человек* и *люд* может привести к неоправданному усложнению парадигмы, напр. к постулированию четырех различных счетных формы множественного числа; этого усложнения можно избежать, признав *человек* и *люди* разными лексемами, первая из которых имеет формы как единственного, так и множественного числа, а вторая относится к *pluralia tantum*.

В пользу трактовки единиц *человек* и *люди* как различных лексем можно привести и семантическое соображение. Дело в том, что есть определенные

основания включать *люди* в число семантически элементарных единиц (так, оно включается в список *semantic primitives* Анны Вежбицкой во всех последних версиях); отметим, что его эквиваленты в других языках часто относятся к *pluralia tantum* (ср. английское *people*, французское *les gens*, немецкое *Leute*). Напротив того, значение формы множественного числа было бы естественно рассматривать как производное от значения соответствующей лексемы в единственном числе (и тем самым не элементарное).

В то же время, приняв трактовку единиц *человек* и *люди* как различных лексем, мы должны будем признать, что их соотношение близко к супплетивизму, поскольку формы множественного числа от лексемы *человек* малоупотребительны и в большинстве контекстов желательной оказывается их замена на формы лексемы *люди*. Такую ситуацию, в которой ярко проявляется «количественный» характер супплетивизма, можно назвать неполным супплетивизмом⁴. Иными словами, с неполным супплетивизмом мы имеем дело, когда дистрибуция равнозначных единиц близка к дополнительному распределению, но все же в строгом смысле слова не является таковым⁵.

2.3. Сукин сын — сукины дети

Мысль, что выражение *сукины дети* следует рассматривать как супплетивную форму множественного числа идиомы *сукин сын*, была высказана в статье (Мельчук 1982—1983)⁶. С теоретической точки зрения, эта идея была чрезвычайно важна, так как иллюстрировала применимость понятия супплетивизма к фразеологическим единицам. Однако в описательном плане она наталкивалась на трудности (которые и были отмечены в статье), состоящие в том, что, наряду с «супплетивным» выражением *сукины дети*, в русском языке существует регулярное множественное число *сукины сыны*. В статье высказывалось предположение, что использование этого выражения является шуткой (в частности, из-за несоответствия сниженного характера фразеологизма в целом и возвышенной окраски формы *сыны*), и предлагалось от-

⁴ Неполный супплетивизм следует отличать от другого проявления градуального характера супплетивизма — слабого супплетивизма, который имеет место в ситуации, когда равнозначные единицы связаны уникальным чередованием, но имеют значительное формальное сходство (Мельчук 2001: 439—441).

⁵ Как неполный супплетивизм может также рассматриваться английский аналог пары *человек* — *люди*, а именно пара *person* — *people*: регулярное множественное число *persons* в современном английском языке почти не употребляется, за исключением юридических текстов (напр., *The Supreme Court of Canada ruled that women were not “qualified persons” and thus ineligible to sit in the Senate*).

⁶ Ср. обновленный вариант статьи (Мельчук 1995: 347—357).

влечься от этого выражения, как принято отвлекаться от форм множественного числа, образованных от основы *человек*. Однако, как мы видели, формы множественного числа от основы *человек* используются не только в нескольких «застывших» выражениях: они довольно часто воспроизводятся в речи и нередко лишены стилистической маркированности. Оказывается, что это же можно сказать и про выражение *сукины сыны*. Вспомним, что в романе Александра Солженицына «В круге первом» генерал Осколупов, когда ему доложили, что есть два подозреваемых в звонке в американское посольство, говорит:

— Сейчас поеду министру доложу. Обоих *сукиных сынов* арестуем!

Кажется, что в его словах нет никакой шутки. Ср. также:

- ...никаким большевикам и прочим *сукиным сынам* не сбить ее с этого пути-дороги [Р. Унгерн];
- *Сукины сыны* какие-то остановили поезд под Бородянкой и начисто его ограбили [М. Булгаков];
- За старое баловство взялись, *сукины сыны*? [«Тихий Дон»];
- «Собрать их всех, *сукиных сынов*, да эшелон на фронт», — подумал он [В. Гроссман];
- ...среди служителей искусства попадают и *сукины сыны* [А. Рыбаков];
- Отвечайте или я вас всех, не отходя от кассы, перестреляю, *сукины сыны*! [Ю. Алешковский];
- генерал, который из-за одного «труса», сказанного вышестоящими *сукиными сынами*, способен не совершить целесообразные с военной точки зрения действия, а пребывать в преступном бездействии [Д. Самойлов].

Выражение *сукины сыны* оказывается подобно выражению *сукины дети* в том отношении, что в нем также частично утрачивается компонент ‘мужской пол’, так что оно может относиться к неопределенной группе людей, потенциально включающей как мужчин, так и женщин. Так, не обязательно полагать, что, говоря о *сукиных сынах*, которые могли «попадаться» среди «служителей искусства», Анатолий Рыбаков в вышеприведенном примере имеет в виду исключительно мужчин. Это же можно сказать и о следующем примере:

— среди людей немало *сукиных сынов* оказывалось... [Ф. Искандер].

Однако, если речь идет о небольшой группе, включающей как мужчин, так и женщин, предпочтительно выражение *сукины дети*: использование выражения *сукины сыны* является аномальным или может вызвать комический эффект (*Почему ты не позвал Петю и Машу. — ?? Я с этими сукиными сынами не хочу иметь дела*). Иными словами, имеется тенденция понимать его как

относящееся исключительно к лицам мужского пола. Характерен следующий пример:

- ...*сукины сыны*, и *сукины дочери* без пудры и портретной стилизации оказались тут же рядом и в том же ряду с современными *сукиными сынами и дочерьми* [Д. Самойлов].

Автор считает необходимым дополнить указание на *сукиных сынов* упоминанием также *сукиных дочерей*, хотя форма множественного числа фразеологизма *сукина дочь* не очень употребительна⁷.

Если мы сочтем выражение *сукины сыны* маргинальным, соотношение *сукин сын* — *сукины дети* можно рассматривать как неполный супплетивизм; в противном случае придется признать, что фразеологизм *сукин сын* имеет регулярное множественное число (понятно, что сказанное не отменяет теоретических положений относительно применимость понятия супплетивизма к фразеологическим единицам). Заметим также, что множественное число с формой *сыны* изредка встречается и у фразеологизмов *сучий сын*, *собачий сын*, *чертов сын*, *вражий сын*, *курицын сын* (так что для них преимущественное использование форм множественного числа с лексемой *дети* также можно рассматривать как неполный супплетивизм):

- Выдерут *сучих сынов* шомполами... [П. Бажов];
- Эка брешут, *собачьи сыны*! [Г. Данилевский];
- ...что — догнали, *чертовы сыны*? [«Тихий Дон»];
- Вы замолчите ныне, *вражьи сыны*? [М. Шолохов];
- Хочу добиться, чтоб не считали меня дураком, *курицыны сыны*, не смели бы надувать [М. Е. Салтыков (Щедрин)].

2.3. Годы — лет

Хорошо известно, что существительное *год* имеет две дополнительно распределенные счетные формы: *два*, *три*, *четыре года*, но *пять*, *шесть*, *семь... лет*. Супплетивизм основ здесь не вызывает сомнения. Однако существующие словари и справочники (даже самые авторитетные) не дают возможности установить правила выбора основы для формы родительного падежа множественного числа (прочие падежные формы обоих чисел образуются от основы *год*). В самом деле в словаре (Аванесов 1983) говорится, что форма мн. р. родительного падежа данного существительного — *годов*, а счетная форма *лет*

⁷ Но все же иногда эта форма встречается, напр.: *Думаете, что раз бабы, так на вас и управы нет?.. А, сукины дочери!..* [А. Гайдар].

(при этом различия между разными значениями слова *год* не проводятся)⁸. Однако в реально существующих текстах на русском языке в качестве формы родительного падежа множественного числа не после порядкового числительного встречается почти исключительно форма *лет*, напр.:

- Он с детских *лет* мечтал о том... [С. Михалков];
- Разберемся ж на склоне *лет*, / За какой мы погибли цвет! [А. Галич].

Тем самым словарь (Аванесов 1983) в указанном отношении вводит пользователя в заблуждение.

В словаре (Зализняк 2003) мы обнаруживаем корректное, но явно недостаточное описание: указывается, что для слова *год* форма Р. мн. *лет* и *годов*, но после количественных числительных — только *лет*. Из этого описания нельзя вывести, что следует говорить с *юных лет* (**годов*), но с *шестидесятих годов* (**лет*). Кажется правдоподобным, что выбор формы зависит от лексического значения существительного, и в словарной статье *год* в «Малом академическом словаре» (Евгеньева 1981) делается попытка отразить эту зависимость, но, к сожалению, нельзя согласиться ни с тем, как выделены значения в этом словаре, ни с грамматическими указаниями при этих значениях.

Представляется, что для описания правил выбора формы Р. мн. слова *год* можно ограничиться различием двух значений (с возможной дальнейшей детализацией): *год 1*, который относится к «длительностям», и *год 2*, который относится к «циклам». «Длительности» характеризуют отрезок времени лишь с точки зрения его продолжительности, безотносительно к его положению на временной оси. К ним, помимо *год 1*, относятся такие слова, как *минута 1*, *час 1*, *день 1*, *сутки 1*, *неделя 1*, *месяц 1*. К «циклам», помимо *год 2*, относятся *день 3* (продолжающийся от полуночи до полуночи), *месяц 2*, длящийся с 1-го по 28-е, 29-е, 30-е или 31-е число, *неделя 2*, состоящая из *понедельника*, *вторника*, *среды* и т. д. Главная особенность «цикла» заключается в том, что, как только цикл заканчивается, начинается новый цикл (для *года 2* переход к новому циклу называется *Новый год*). Общее правило состоит в том, что *год 1* имеет форму Р. мн. *лет* (форма *годов* при обозначении длительности в современном языке является просторечной и может не учитываться в описании), а *год 2* — форму *годов*. Тем самым форма *годов* чаще всего использует-

⁸ По существу, эта же информация, хотя и в несколько более развернутом виде, содержится в работе (Богуславская 2010), в которой отдельно описываются разные лексические значения слова *год*, но сведения о словоизменении представлены едиными для всех значений.

ся при обозначении десятилетий; но и в прочих случаях, если имеется в виду год как цикл, она не может быть заменена на форму *лет*:

- Из-за високосных *годов* — три дня лишних набавлялось... [А. Солженицын];
- Хватит нам всяких пятых-семнадцатых *годов*, они нам еще долго икаться будут [А. Курчаткин].

В силу сказанного следует говорить *каждый из учебных годов*, но *в течение моих учебных лет*:

- В течение одного из учебных *годов* (если я не ошибаюсь, это был 1936/37 год) я регулярно не обедал по вторникам и пятницам... [Ю. Елагин];
- ...после ваших учебных *лет* настает лучшая пора вашей жизни... [Ю. В. Каннабих].

Следует также заметить, что в поэтической речи XIX века часто (особенно при указании на возраст) использовались формы других падежей множественного числа, образованные от основы *лет*; иногда они используются и сейчас в целях стилизации, напр.:

- Кнутаи Степан Иваныч, невзирая на преклонные *лета*, еще поигрывал [Б. Евсеев].

Однако их нельзя считать супплетивными формами лексемы *год*, тем более что в случаях такого рода, как правило, возможно употребление регулярных форм, образованных от основы *год*⁹.

2.4. Ребенок — дети

Почти общепринятым является признание формы *дети* супплетивным множественным числом слова *ребенок*. Существенно, что, согласившись с этой трактовкой, мы должны отказаться от признания морфологически более регулярных числовых пар *дитя* — *дети* и *ребенок* — *ребята*. В отношении последней пары очевидно, что ее члены семантически не соотносятся друг с другом (тем самым слово *ребята* относится к *pluralia tantum*). Однако в от-

⁹ В современном языке есть случаи (при обозначении возраста), когда замена на существительное *год* нежелательна: сохранилось наречное выражение *в летах*, возможно также добавление прилагательного (напр., *в преклонных летах*), а также использование выражения *в летах* при управлении (*разница в летах*). Очевидно, что все случаи такого рода также свидетельствуют, что мы имеем дело с особой лексемой, формы которой не могут рассматриваться как супплетивные формы слова *год*.

ношении единиц *дитя* — *дети* семантических препятствий для того, чтобы соотнести их, как будто не видно (не считая того, что лексема *дитя*, возможно, ощущается как устаревшая и стилистически маркированная¹⁰). Не случайно в словаре (Зализняк 2003) формы *дети, детей, детям* и т. д. приводятся как формы множественного числа слова *дитя*.

Но, согласившись с этой трактовкой, мы вынуждены будем отказаться от признания формы *дети, детей, детям* и т. д. множественным числом от слова *ребенок*. В этом случае у нас будет вполне самостоятельная лексема *дитя* с полной парадигмой, а формы множественного числа этой лексемы будут заменять отсутствующие формы множественного числа лексемы *ребенок*. Однако следует отвергнуть такое решение. Дело в том, что слово *дитя* относится к среднему роду, тогда как *дети* — существительное мужского рода, как и слово *ребенок*:

- ...Осип один с женой в избе оставался, дети *каждый* (*каждое) своей семьей жили... [В. Личутин];
- Трое детей *каждый* (*каждое) по-своему переживают трагедию родителей [Любовь и голуби (Интернет)];
- Когда дети *каждый* (*каждое) за своим компом сидят — они не дерутся!!! [Наши дети: Подростки (Интернет)].

Поэтому мы должны признать *дитя* словом класса *singularia tantum* — одним из редких случаев существительного, семантика которого не исключает множественности, но которое тем не менее не имеет множественного числа. Соответственно, формы *дети, детей, детям* и т. д. можно считать супплетивным множественным числом слова *ребенок*.

3. Супплетивные видовые пары

Основные морфологические способы образования имперфективных коррелятов глаголов совершенного вида — это добавление имперфективного суффикса *ыва, ва* или *а* (иногда сопровождающееся усечением основы) и депрефиксация. Как известно, наряду с видовыми парами, образованными морфологическими способами, в русском языке имеется некоторое количество морфологически нерегулярных видовых пар, в том числе супплетивных. К ним относятся такие пары, как *сказать* — *говорить*, *взять* — *брать*, *поймать* — *ловить*, *положить* — *класть*, а также множество пар типа *доложить* — *докладывать*. Как правило, такие пары возникают в результате лексической

¹⁰ Мы отвлекаемся от другого значения слова *дитя*, которое реализуется в сочетаниях типа *дитя своего века*.

конвергенции, которая иногда бывает обусловлена тем, что «регулярный» имперфективный коррелят вышел из употребления или поменял значение (упомянем такие глаголы, как *сказывать* или *взимать*)¹¹. Здесь опять-таки существенно отличать супплетивизм от синонимии основ глаголов совершенного и несовершенного вида. Так, имперфективом глагола *ударить* является глагол *ударять*, имеющий синоним *бить*: фразы *Он ударяет кулаком по столу* и *Он бьет кулаком по столу* синонимичны. Тем самым нет никаких оснований для признания супплетивной видовой пары *ударить* — *бить*.

Однако это касается не всех значений глагола *ударить*. Рассмотрим значение, которое используется при описании некоторых спортивных игр и реализуется в сочетании *ударить по воротам*. Выясняется, что «регулярный» имперфективный коррелят в таких сочетаниях не используется (не говорят **ударять по воротам*; наблюдение И. Л. Микаэлян); вместо него используется глагол *бить*, который таким образом превращается в супплетивный видовой коррелят глагола *ударить* в указанном значении:

- Форварды если и *били* по воротам, то с таким расчетом, чтобы мяч шел на три метра левее левой штанги и на пять метров правее правой [А. Гладилин];
- ...игроки бегали по полю, пинали мяч, *били* по воротам, и кто больше заколотит, у того больше и счет [В. Войнович];
- Он понял, что надо *бить* по воротам, другого пути нет [Ф. Искандер].

Обратим внимание на то, что для близкого значения, которое реализуется в сочетании *ударить (ногой, ракеткой и т. д.) по мячу*, вполне возможен коррелят *ударять* (и тем самым здесь супплетивизма нет):

- В день турнира выяснилось, что их физические кондиции не позволят им точно *ударять по мячу* [А. Зильберт].

Заметим, что не следует считать супплетивными видowymi парами такие пары, как *уйти* — *уходить*, *прийти* — *приходить* и т. п. Соотношение приведенных форм действительно представляет собою пример супплетивизма. Однако формы прошедшего времени глаголов *уйти*, *прийти* и т. д. связаны с формами соответствующих имперфективных глаголов вполне регулярными чередованиями (*ушел* : *уходить* = *увел* : *уводить*). Чередование *x:ш* является одним из регулярных чередований русского языка; *д* в прошедшем времени глагола *уйти* «восстанавливается» в форме причастия *ушедший*. Тем самым

¹¹ При этом супплетивизм может иметь место не для всех лексических значений перфективного глагола. Так, глагол *положить* в сочетании *положить пределы* (чему-либо) имеет коррелят *полагать*; глагол *сложить* в сочетании *сложить числа* имеет коррелят *складывать*, а в сочетании *сложить стихи* — коррелят *слагать*.

мы имеем дело с супплетивизмом в пределах совершенного вида, а не с супплетивизмом видовых коррелятов: имперфективный член пары соотносится с одной из супплетивных основ совершенного вида.

Как и в прочих случаях, «мера супплетивизма» в видовых парах зависит от оценки степени аномальности «регулярного» имперфектива. Так, глагол *вложить* в разных значениях имеет морфологически регулярный, но устаревший коррелят *влагать* и синонимичный ему, но более употребительный коррелят *вкладывать*. Для некоторых значений глагола *вложить* коррелят *влагать* можно считать полностью устаревшим; таким образом, *вкладывать* становится супплетивным коррелятом. Это касается, напр., выражения *вложить* ⟨в нечто⟩ тот или иной *смысл*; фразы, в которых использован оборот ^{??}*влагать смысл* представляются не соответствующим современной норме, напр.:

- Василий Львович убедился с удивлением, что *влагал* совсем иной, неуместный смысл в понятие свойства тел [Ю. Тынянов];
- Никто из нас не *влагал* в эти «похороны» кощунственного смысла [А. Деникин].

Для оборота *вложить* ⟨кому-либо⟩ *в уста* имперфектив *влагать* представляется более уместным, напр.:

- Переводчица Диккенса М. А. Шишмарева напрасно *влагает* в уста англичанам русские простонародные слова [К. Чуковский].

Таким образом, для этого значения, возможно, еще не следует усматривать супплетивную пару *вложить* — *вкладывать*, хотя, разумеется, оборот *вкладывать в уста* более употребителен, напр.:

- Поэт *вкладывает* в уста своего героя, русского революционера, гордое пророчество о неизбежной победе над насилием и деспотизмом [Л. Чуковская].

4. Заключительное замечание

Итак, мы видим, что в тех случаях, когда супплетивизм возникает вследствие лексической конвергенции, иногда оказывается, что объединение парадигм было неполным, так что какие-то участки парадигмы допускают конкуренцию основ. В таких случаях оценка меры полноты или неполноты супплетивизма в значительной степени зависит от характера этой конкуренции.

Библиография

- Аванесов 1983 — *Аванесов Р. И.* (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. М.: Русский язык, 1983.
- Апресян 2004 — *Апресян Ю. Д.* (ред.). Новый объяснительный словарь русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Богуславская 2010 — *Богуславская О. Ю.* Словарные статьи существительных, обозначающих отрезки времени, и производных прилагательных // *Апресян Ю. Д.* (ред.) Проспект активного словаря русского языка. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 303—322.
- Евгеньева 1981 — *Евгеньева А. П.* (ред.). Словарь русского языка. Т. 1. М.: Русский язык, 1981.
- Зализняк 2003 — *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М.: Русские словари, 2003.
- Мельчук 1972 — *Мельчук И. А.* О супплетивизме // *Шаумян С. К.* (ред.). Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 396—438.
- Мельчук 1982—1983 — *Мельчук И.* Супплетивологические этюды. II: О понятии супплетивизма и об одном фразеологическом казусе в современном русском языке: СУКИН СЫН — СУКИНЫ ДЕТИ // *Russian Linguistics*. 1982—1983. 7. С. 207—218.
- Мельчук 1985 — *Мельчук И. А.* Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1985.
- Мельчук 1995 — *Мельчук И. А.* Русский язык в модели «Смысл-Текст». М.; Вена: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Мельчук 2001 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. 4. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Шмелев 2009 — *Шмелев А. Д.* *Человек, люди и народ* в числовых конструкциях // *Berger T., Giger M., Kurt S., Mendoza I.* (Hrsg.) *Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern — Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache.* München; Wien: Verlag Otto Sagner, 2009.